

Коммунизм: между временем и пространством*

И. П. Решикова

*Новокузнецкий филиал-институт Кемеровского государственного университета, кафедра истории
654041 г. Новокузнецк, ул. Циолковского, 23*

В статье рассматривается проблема хронологической локализации коммунизма, понимаемого в советской модели мира как общество будущего. Обосновывается мысль о том, что неоднозначность теоретизации коммунизма в работах К. Маркса и Ф. Энгельса компенсировалась семантико-символическими ресурсами фонового знания русской культуры, репрезентированного в языковых концептах. Выделяются основные нарративные коды «коммунистического дискурса».

Слово *коммунизм* очень быстро после переворота 1917 г. перешло из агитационно-пропагандистской лексики в повседневное обращение. Так именовался будущий «бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства и полным социальным равенством всех членов общества»¹. Аналогичное толкование в качестве основного значения слова приведено в толковом словаре русского языка 1935 г.² и как единственное кодифицировано Большой советской энциклопедией 1938 г.³ То есть именно так понималось слово *коммунизм* носителями русского языка в 1930-е годы и позже. Между тем точный, изначальный смысл этого понятия несколько иной. В ранних работах Ф. Энгельс неоднократно подчеркивал *теоретический* характер феномена: «Коммунизм, поскольку он является теорией, есть теоретическое выражение позиции пролетариата»⁴; см. также катехизическое изложение принципов коммунизма в одноименной статье: «*Первый вопрос. Что такое коммунизм? Ответ. Коммунизм есть учение об условиях освобождения пролетариата*»⁵.

Принципиально новаторский характер своего учения Маркс и Энгельс обосновывали тем, что «коммунисты имеют своей предпосылкой не ту или другую философию, а весь ход предшествующей истории»⁶. Утверждение является одновременно и декларацией «объективно-исторического» и «практического», а не метафизического характера учения, и заявлением о его результирующей функции — в гегелевском смысле, ибо коммунизм синтезирует все прежде созданные социалистические теории, превосходя их глубиной и верностью. Как теория нового типа коммунизм — «не доктрина, а движение». Этот тезис также неоднозначен. С одной стороны, его следует про

© И.П. Решикова, 2008.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда им. Г. Бёля (в рамках Международной программы «Поддержка молодых российских исследователей 2007-2008 гг.»).

¹ Мокиенко, В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. С. 267.

² Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.П. Ушакова. Т. 1. М: ОГИЗ, 1935. Стб. 1424.

³ Большая советская энциклопедия. Т. 33. М.: ОГИЗ, 1938. Стб. 662.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. С. 282.

⁵ Там же. С. 322.

⁶ Там же. С. 281.

читать как указание на антидогматический характер теоретической системы Маркса-Энгельса. (Позднее в построениях советского научного коммунизма это будет названо «творческим марксизмом» в противоположность «марксизму догматическому» — этой санкционированной самообновляемостью теории был обоснован ряд серьезных отступлений «гениальных теоретиков» 1910-1940-х годов от аксиом «гениальных основоположников»¹). С другой стороны, налицо аллюзия на современное К. Марксу и Ф. Энгельсу обширное рабочее движение, по отношению к которому коммунизм должен был стать интеллектуальным руководящим авангардом, — в отличие от спекуляций так называемого утопического социализма, традиционно оторванного от рабочего движения.

Но есть у этого тезиса еще один смысл. Он детерминирован некоторым временным и логическим разрывом между наличным состоянием человеческого общества и его прогнозируемым совершенством. В массиве текстов К. Маркса-Ф. Энгельса усматривается тонкое семантическое балансирование между коммунизмом как *теорией* и коммунизмом как *действительным движением*. Как известно, Маркс в своем учении предложил «лишь теорию истории» (во всех ее хронологических экспликациях: прошлое, настоящее, будущее)². Но идея, предназначенная к реализации, требует иного уровня разработки, нежели чисто умозрительная концепция. Следовательно, в определенной части теории (в *экзотерической* ее части, ориентированной на *профанов*) нельзя было обойтись без хотя бы самых приблизительных описаний всеобщей цели исторического процесса. И здесь творцы учения вынуждены были сойти с «твердой почвы» конкретно-исторических обобщений и ступить на зыбкое поле экстраполяции. Фактически им пришлось заняться как раз тем, за что в период разрыва с младогегельянцами Маркс и Энгельс ядовито критиковали «святого Бруно», а именно — «априорным конструированием» будущего³. К «фантастическим» детализациям картины грядущего у Б. Бауэра основатели марксизма относились непримиримо. Резким нападкам подвергнулся и Е. Дюринг — за то, что «считал себя вправе фабриковать проекты будущего, в которых намечается даже план школьного преподавания»⁴. Впрочем, тот факт, что и сами критики принуждены были намечать абрис бесклассового общества, в общем-то не противоречит их диалектическому материализму, в данном случае — идее диалектического соотношения теории и практики. Итак, коммунизм трактуется в трех значениях: как *учение*, как *движение* и как *строй*.

Субстантивная философия истории, коей несомненно является марксизм, экстраполирует открытые ею структуры всей исторической целостности в будущее. Такой способ рассмотрения истории «является, по сути дела, теологическим или, во всяком случае, обладает общим структурным сходством с теологическим истолкованием истории, которое рассматривает историю *in toto*, как осуществление некоего божественного замысла... хотя Маркс и Энгельс были материалистами и откровенными атеистами, тем не менее, они были склонны смотреть на историю сквозь теологические очки»⁵. В этой связи концепция коммунизма является пророчеством, ведь пророчествует тот, кто говорит о будущем так, как можно говорить только о прошлом; пророк истолковывает настоящее так, как это мог бы сделать будущий историк. Именно в таком ключе советский дискурс поведовал о настоящем, и тем устойчивее становилась эта нарративная стратегия, чем

¹ Краткий философский словарь. Под ред. М. Розенталя, П. Юдина. М.: ГИПЛ, 1952. С. 259, 510.

² Данто А. Аналитическая философия истории. Под ред. Л.Б. Макеевой. М.: Идея-Пресс. 2002. С. 12.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. С. 70.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. С. 641.

⁵ Данто А. Ук. соч. С. 18.

больше сталинское общество входило в фазу «Культуры Два»¹, характеризующуюся стабилизацией, кристаллизацией, а также — в терминологии П. Бергера и Т. Лукмана — легитимацией и реификацией социальной реальности. В январе 1933 г. Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) рапортовал, что досрочное выполнение первой пятилетки, в ходе которой был построен фундамент социализма, является «всемирно-исторической победой»².

Есть существенная разница между предсказанием и пророчеством. Прозрения Маркса являются именно пророчеством, то есть *безусловным* утверждением о будущем, и это очевидно даже из специфической терминологии «науки о марксизме». В справочном аппарате к собранию сочинений Маркса-Энгельса методология Маркса определена и детально рубрицирована как «точное научное предвидение» [здесь и далее подчеркнуто нами. — *И.Р.*]. Популярной в текстах научного коммунизма является фраза «гениальные *предначертания* Маркса/Энгельса/Ленина»³. Применительно к идеям В.И. Ленина употреблялось идиоматическое выражение «замечательное/гениальное ленинское *пророчество*»⁴. Слова *предвидение*, *предначертание*, *пророчество* (предполагающее предварительное *прозрение*) — из семантического ряда, обозначающего зрительное восприятие, и их частотность в дескрипции способов теоретического *усмотрения* сути коммунизма не случайна. Маркс не столько *пророчествует*, сколько *прозревает*, а это не предполагает подробного рассказа о сути увиденного непосвященным! Есть определенная корреляция между сверхъестественной прозорливостью посвященного и символической слепотой профана (ср. невидимость мифической Шамбалы: там, где посвященный узревает чудесную страну, обычные люди видят только горы). В этом эзотерическом смысле «махатме Марксу» коммунизм мог быть *виден* во всех деталях, но, как всякий великий посвященный, он не мог *буквально* описать свое «чудесное видение» (*visio beatifica*, в терминологии средневековых мистиков).

Особенностью марксизма как философии истории является сочетание в нем профетического пафоса с практической ориентированностью; знаменитая максима из «Тезисов о Фейербахе» стала афоризмом: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его». Р. Арон писал о Марксе: «...он был пророком и вместе с тем человеком действия и ученым». Коммунизм подлежал претворению в жизнь. К тому же, в марксизме критерий истины — практика, значит, направленность на активное преобразование реальности имела еще и чисто интеллектуальный интерес, ведь таким образом теоретическая модель могла быть верифицирована. Между тем на пути воплощения теории возникало серьезное препятствие. Марксизм гораздо более детально обсуждал различные пути для достижения цели, нежели саму цель. И если изящества теоретических построений было достаточно, чтобы ими прониклись «умы просвещенные», то совсем иное требовалось для того недифференцированного большинства, которому, собственно, и делегировалась миссия устройства «практического коммунизма».

В разное время создатели теории настойчиво повторяли, что не имеют ни надобности, ни возможности подробного разъяснения и всестороннего описания «коммунистической организации человеческого общества»: «Мы вовсе не ставим себе этой задачи. Мы можем и хотим разъяснить лишь некоторые пункты и побудить тех, кто еще не знаком с

¹ Паперный В. Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 1996.

² Цит. по: История Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат. 1974. С. 424.

³ Мокиенко В. М. Ук. соч. С. 470.

⁴ Там же. С. 489.

вопросом, заняться его изучением»¹. К. Маркс не оставил развернутых описаний последнего и окончательного этапа человеческой истории. В какой-то мере это, видимо, вредило его концепции в глазах прогрессивной публики. Характерно начало рецензии Ф. Энгельса на вышедший в 1867 г. первый том «Капитала». Ближайший друг и соратник признает, что «эта книга очень разочарует некоторых читателей», ожидающих, что в ней будет «раскрыто подлинное социалистическое учение и панацея», и далее констатирует: «Маркс... менее чем кто-либо стал бы скрывать в научном сочинении... свои взгляды. Но о том, что будет после социального переворота, он говорит лишь в *самых* общих чертах»².

Это вполне естественно в рамках философских взглядов К. Маркса, согласно которым *суперструктура* детерминирована *субструктурой*. Вопрос о том, какую именно детерминацию имел в виду К. Маркс, вводя категории *Überbau/Unterbau*, породил многочисленные интерпретации (Ф. Энгельса, В. Ленина, А. Грамши, М. Фуко...) и до сих пор остается дискуссионным. Еще при жизни основоположника распространились толки его учения (так называемый марксизм), о котором, по словам очевидцев, Маркс говорил смеясь: «Могу сказать только одно: что *я не марксист*!»³. Интерпретаторы согласны в одном: в *марксизме* было допущено искажение мысли Маркса, когда *базис* отождествили с экономической структурой⁴. Таким образом, сам Маркс, говорящий о будущем из ситуации настоящего, обусловленного конкретной общественной формацией, не имел чисто логической возможности описать еще не существующее бесклассовое общество.

В то же время это было необходимо сделать. «Действительное» и обширное «всемирно-историческое» движение пролетариата требовало постановки конкретной *зримой* цели для *масс*. Последовательное соблюдение логического «табу» на создание картин будущего привело бы вообще к полной невозможности говорить о нем, причем не только в детальном приближении, но даже на уровне самых общих положений. На эту мысль наводят, в частности, рассуждения Ф. Энгельса о равенстве в подготовительных материалах к «Анти-Дюрингу». В пределе получалось так, что и категории мышления, и самый философский язык как феномен существующей *суперструктуры* неприменимы к описанию будущего в принципе; если же применяются, то порождают искаженные, «фантастические» картины.

Сложность, сопряженную с задачей описания коммунизма как цели, К. Маркс понимал уже в 1843 г. В письме к А. Руге он делится своими мыслями об этом: «Едва ли не более важными... кажутся мне внутренние трудности. Хотя не существует сомнений насчет вопроса "откуда?", но зато господствует большая путаница относительно вопроса "куда?"... Мы не стремимся догматически предвосхитить будущее, а желаем только посредством критики старого мира найти новый мир... Но если конструирование будущего и провозглашение раз навсегда готовых решений для всех грядущих времен не есть наше дело, то тем определеннее мы знаем, что нам нужно совершить в настоящем, — я говорю о беспощадной критике всего существующего...»⁵). Предметивизацией грядущего занимался большей частью «друг и соратник» К. Маркса — именно в работах Ф. Энгельса излагаются хрестоматийно известные характеристики коммунистического устройства общества. Последние часто сопровождаются оговорками о том, что «мудрствования» относительно будущего —

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 2. С. 543.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 16. С. 221.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. С. 491.

⁴ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии. Пер. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. С. 16.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. С. 379.

прямая дорога к созданию утопий, так как «утопии возникают лишь тогда, когда пытаются, "исходя из существующих отношений", преуказывать *форму*, в которой должна быть разрешена та или иная противоположность, присущая существующему обществу»¹. В работах Энгельса рассеяно достаточное количество спецификаций грядущего строя, хотя сам он подчеркивал: «Заранее готовые мнения относительно деталей организации будущего общества? Вы и намека на них не найдете у нас» (1893)². По собственному полушутливому признанию Ф. Энгельса, между ним и К. Марксом существовало «разделение труда», в соответствии с которым печататься в периодической прессе чаще приходилось именно Энгельсу, ибо Маркс был занят работой над «Капиталом». Таким образом, применяясь к популяризаторскому жанру, «верный соратник» вынужден был несколько адаптировать для публики философские построения Маркса относительно коммунизма, сложность которых обнаруживается уже в «Экономическо-философских рукописях» 1844 г. В них, в частности, утверждалось, что коммунизм — это отрицание частной собственности, что он есть «позиция как отрицание отрицания, поэтому он является действительным, для ближайшего этапа исторического развития необходимым моментом эмансипации и обратного отвоевания человека. *Коммунизм* есть необходимая форма и энергический принцип ближайшего будущего...»³.

Как только (еще в 1845 г.) творцами теории было объявлено, что «коммунизм... не является теорией, оторванной от действительности и порожденной только фантазией», что предстоит «претворить эту теорию в жизнь» и что определенные меры «неизбежно должны привести к практическому коммунизму»⁴, — тут же со всей очевидностью встал вопрос о *времени* и *месте* свершения предначертанного. Эта проблема, возникающая при переносе коммунизма из сферы теории в плоскость практики, нуждалась в разрешении. Философский интерес К. Маркса и Ф. Энгельса к времени и пространству как «основным формам всякого бытия» имел поэтому существенное практическое значение. Коммунизм в предельном обобщении — это глобальный проект преобразования человека и природы. Эти два грандиозных сюжета в более мелкой оптике являют собой обширные теоретические пространства, пересеченные множеством «линий напряжения». Линии заданы частными теоретическими проблемами и очерчивают те или иные тематические поля. Так, например, проблематика трансформации человека включает такие элементарные сюжеты, как преобразование языка, быта, семьи, этничности, системы родства, воспитания, образования, труда, распределения, морали, досуга, города и др., в сумме определяющих *габитус*. В рамках данной работы тематизируется лишь один аспект коммунистического проекта, связанный с его *хронологической локализацией*. В силу специфической семантики последнего термина, нельзя будет не затронуть и проблему пространственной локализации коммунизма, которая составляет отдельную обширную тему.

Время исчезнет — время сохранится

О том, что будет после победы коммунизма, Маркс «не решался высказываться, ограничившись несколькими осторожными намеками», но он «чувствовал, что термин "история" уже не будет использоваться»⁵. То есть история завершится, ибо исчезнут

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 18. С. 277.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 22. С. 563.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42. С. 127.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 2. С. 543.

⁵ Данто, А. Ук. соч. С. 12.

противоположности и их диалектическая *борьба*. Наличная историческая структура прекратит свое существование вследствие того, что не станет причин, до сей поры приводивших ее в действие (*частной собственности* как фактора *классовой борьбы*). Тогда-то завершится история как течение времени. Эта мысль была заимствована у Гегеля, провозгласившего в «Феноменологии духа», что история подходит к концу, а симптомом этого являются победоносные наполеоновские войны. В пользу того, что поначалу Маркс и Энгельс понимали «надвигающийся переворот» именно как момент во времени, причем с глобальным пространственным охватом, свидетельствуют важные оговорки в их ранних текстах. Так, в «Немецкой идеологии» (1845-1846) сказано: «Коммунизм эмпирически возможен только как действие господствующих народов, произведенное "сразу", одновременно»¹. Эта почти эсхатологическая мысль отсылает к архетипу чуда. И она ставит «лишний», опять же темпоральной природы, вопрос: а что потом?..

Критикуя «бланкистских эмигрантов Коммуны» в 1874 г., Ф. Энгельс иронизирует: «Тридцать три бланкиста... твердо уверены... на этих днях "начнется"... и послезавтра "коммунизм будет введен"»². Уже после смерти К. Маркса Ф. Энгельс размышлял: «Но если бы все противоречия были раз навсегда устранены... всемирная история была бы закончена и в то же время должна была бы продолжаться, хотя ей уже ничего не оставалось бы делать»³. Именно эта антиномия — бытие и время — возникает в марксизме, как только речь заходит о грядущем бесклассовом обществе. С одной стороны, «бытие вне времени есть такая же величайшая бессмыслица, как бытие вне пространства». С другой стороны, финал истории в европейском понимании так или иначе подразумевает завершение течения времени. Это затруднение не акцентируется в марксизме и не становится предметом специального внимания. Но потенциальным его решением в пределах концептуальных возможностей теории могло стать включение времени в число тех самых сил, над которыми люди (пока) не властны и которые не конкретизируются, хотя понятно, что речь идет о силах «природы и истории». Эти «объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей». И вот люди «нового мира», избавившись от всякого принуждения, «впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы», и только с этого момента начинают «вполне сознательно сами творить свою историю»⁴. Так «новым людям» приписываются демиургические возможности. В этом фрагменте важной деталью является форма настоящего времени в глагольных конструкциях; мы еще вернемся к этому ниже.

Что же до времени как силы «объективной» и «чуждой», то таковым оно остается лишь до наступления момента великой трансформации реальности, в ходе которой сущностно преобразятся вообще все параметры бытия. Но даже последним допущением не снимается главное противоречие: коммунизм как достигнутая цель элиминирует время, однако вне времени бытие невозможно. Не случайно уже в «Немецкой идеологии» намечен компромисс: «Коммунизм для нас не *состояние*, которое должно быть установлено, не *идеал*, с которым должна соотноситься действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожит теперешнее состояние»⁵.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. С. 34.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 18. С. 516.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. С. 278.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. С. 227-228.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. С. 34.

Между сейчас и потом, сейчас и никогда

Так коммунизм локализовался в некоем разрыве между наличным и грядущим, между временем и вечностью, и начал приобретать пространственные характеристики. По мере развития самой теории мысль эта только утверждалась: если с середины 1840-х и даже в 1874 г. движение еще предполагало цель («немецкие коммунисты... ясно видят и постоянно преследуют конечную цель...»), то в 1893 г. в интервью «Фигаро» Энгельс прямо заявляет: «У нас нет конечной цели. Мы сторонники постоянного, непрерывного развития»². *Движение* в марксистской философии понимается как осуществление всеобщей связи, взаимозависимости явлений, их превращения друг в друга. Какова природа этого «действительного» или, что то же самое, «практического» движения? В предельном смысле так перифрастически именуется революция: «...массовое изменение людей, которое возможно только в практическом движении, в *революции*)»³. В более мелком приближении движение — это «постоянные изменения и преобразования», «постоянное, непрерывное развитие» материи, которое так же «несотворимо и неразруσιμο, как и сама материя».

В записях, объединенных при издании заголовком «Диалектика природы», Ф. Энгельс трактует всемирную историю как процесс бесконечного развития общества от низшей ступени к высшей. Следовательно, с учетом уже пройденных человечеством фаз общественного развития упомянутое бесконечное движение попадает в разрыв истории между капитализмом и коммунистическим строем. Само социалистическое общество в трактовке Энгельса 1890 г. «не является... какой-то раз навсегда данной вещью, а как и всякий другой общественный строй его следует рассматривать как подверженное постоянным изменениям и преобразованиям...»⁴. Неоднократно заклеянный как «оппортунист» Э. Бернштейн тонко уловил затруднение марксизма в этом вопросе, выразив его суть в знаменитом своем «оппортунистическом» афоризме: «Конечная цель — ничто, движение — все»⁵. Бернштейну принадлежит, помимо прочих, идея о том, что победа социализма никоим образом не вытекает из современной экономической необходимости и является скорее проблемой нравственной. В этой перспективе неизбежность коммунизма предстает в отраженном свете христианской телеологии — как секуляризованное учение о Царствии Небесном.

Одно из темных мест теории — вопрос о сроках надвигающегося переворота. Как долго будет длиться *движение* к «практическому коммунизму»?.. В тех фрагментах, где коммунизм обсуждается авторами не в философском, а в политическом контексте, чаще других встречаются указания на то, что «время близко», и это несмотря на критику бланкизма. Так, в «Анти-Дюринге» (1876-1878) Ф. Энгельс пишет: «Если бы наша уверенность относительно надвигающегося переворота... опиралась только на сознание того, что этот способ распределения несправедлив... то нам пришлось бы долго ждать». Еще более определенно он высказывается в 1891 г. во введении к работе Маркса «Наемный труд и капитал»: новый общественный строй осуществится «после короткого, связанного с некоторыми лишениями, но во всяком случае очень полезного

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 18. С. 516.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 22. С. 563.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. С. 70.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 37. С. 380.

⁵ Цит. по: Краткий философский словарь. С. 44.

в нравственном отношении переходного времени»¹. 1894-м годом датировано уточнение: «Эту капиталистическую революцию нам когда-то надо пережить. Она несет с собой невыразимые страдания для огромной массы народа, но только она и порождает те условия, которые делают возможным новый общественный строй...»².

Предметом специального интереса может стать сама риторика «коммунистических фрагментов» у Маркса-Энгельса, в частности, использование глагольных конструкций. Неопределенность хронологических параметров коммунизма коррелирует с грамматикой — с тем, как авторы манипулируют формами настоящего и будущего времени. Производимая нарративом риторическая работа настолько изощрена, что местами чтение «первоисточников» создает стойкое ощущение *уже* начавшихся трансмутаций реальности, *уже* наступившего коммунизма.

В «Критике Готской программы» (1875) К. Марксом была сформулирована идея о «двух фазах» коммунистического общества. Характеризуя первую из них, Маркс отмечает: «Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое *развилося* на своей собственной основе, а с таким, которое, наоборот, только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло»³. Слова «не с таким» дали возможность допускать существование как бы двух обществ, различающихся степенью реализации коммунистического «паттерна»: «полного» и «неполного» коммунизма. Уже к концу 1930-х социализм понимался как еще не полное коммунистическое общество, а «высшая фаза коммунизма — [как] полный коммунизм»⁴. Маркс говорил о «первой фазе коммунистического общества» и о его «высшей фазе»; их интерпретация соответственно как социализма и коммунизма не является аутентичной и принадлежит позднейшим толкователям. Сам же Маркс уже в «Экономическо-философских рукописях» определял эти стадии так: сначала наступит «грубый неосмысленный коммунизм», а позже — «социализм» как «положительное самосознание человека». Значит, «как таковой коммунизм не есть цель человеческого развития, форма человеческого общества». Целью является «действительная жизнь» — «положительная действительность человека, уже не опосредствуемая отрицанием частной собственности, коммунизмом»⁵.

Тем не менее в советской модели мира получалось, что с построением социализма уже можно было говорить о начавшейся коммунистической эре, об уже имеющемся, хоть и в начальной стадии, коммунизме. Этот теоретический «люфт» позволял манипулировать грамматической категорией времени в описаниях пути к коммунизму — в зависимости от прагматики дискурса; а значит, сохранять удобную неопределенность в вопросе о времени достижения коммунистического будущего.

В январе 1933 г. объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) констатирован, что первая пятилетка выполнена за 4 года и 3 месяца и что в Советском Союзе построен фундамент социализма. В описаниях великих строек первой пятилетки о случившемся факте построения социализма говорилось еще раньше. Яркий пример — брошюра И. Хренова (рассказ которого вдохновил В. Маяковского на стихотворение о городе-саде), в которой сообщается: «Мы уже вступили [в 1931 году. — *И.Р.*] в период социализма и в третьем решаю-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 22. С. 212.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 22. С. 464.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. С. 18.

⁴ Большая советская энциклопедия. Т. 33. М.: ОГИЗ, 1938. Стб. 662.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42. С. 127.

шем году пятилетки завершили построение фундамента социалистической экономики»¹. Факт победы социализма был законодательно закреплен в Конституции СССР (декабрь 1936 г.). Это естественным образом ставило вопрос: а что дальше? Началась тщательная риторическая работа, в результате которой градуировка этапов движения к коммунизму оказалась куда богаче предусмотренной Марксом «двухфазной схемы». Так, первый этап социально-экономического развития советского государства связывался с ленинским планом «*приступа к социалистическому строительству*»². XVI съезд ВКП(б) (1930 г.) вошел в советскую историографию как «съезд *развернутого наступления социализма по всему фронту*»³. XVII съезд (1934) был объявлен «съездом *победителей*». К 1938 г. утверждалось, что «социализм не может быть сразу построен победившим пролетариатом, он создается в течение *целого исторического периода, переходного периода* от капитализма к коммунизму»⁴ (так была реанимирована идея Ленина о «политическом переходном периоде»). XVIII съезд определил «вступление в *полосу завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму*»⁵. Позже был разработан концепт «*зрелый (развитой) социализм*»⁶. Подобная нюансировка стадий коммунистического движения не была предусмотрена в трудах Маркса-Энгельса, но являлась продуктом того типа мышления, который был легализован специалистами ИМЭЛ под именем «творческий марксизм». Был явлен миру конструкт «*полная и окончательная победа социализма в СССР*», зафиксированный в материалах XXII съезда КПСС. Уже на излете советской эпохи разработали понятие «ускорение» — ключевое для концепции социально-экономического развития советского общества, принятой на XXVII съезде КПСС.

Итак, в теоретическом отношении был разработан целый ряд промежуточных стадий на пути к коммунизму. Фактически с начала «великого поворота» в советском символическом универсуме коммунизм «не являлся делом отдаленного будущего»⁷, но в то же время наличная реальность побуждала к дискурсивному моделированию дистанции между *сейчас* и *потом*. В идеологическом языке эпохи «развитого социализма» коммунизм навсегда повисал в промежутке между *сейчас* и *никогда*. Это довольно легко согласовалось с фоновым знанием советских людей, из которого еще не выветрились символические структуры «прецедентного текста» русской культуры: логическим нервом новозаветной традиции является острый вопрос о сроках грядущего Царствия Божия.

Аффектация близости момента наступления коммунизма была особенно характерна для хрущевского времени. Возможно, причины этого — чисто психологического (компенсаторного) свойства. Для переломных эпох характерно желание современников поскорее отдалить прошлое, оцениваемое исключительно негативно как мрачное, дикое, варварское и т.п. время. Поскольку «календарно» это сделать сложно (если не реформировать календарь), то обычно предпринимаются попытки «эпохального» отдаления прошлого. Обычный способ для этого — объявление о наступлении новой, светлой эры. Тем самым водораздел меж-

¹ Хренов И. От Кузнецкстроя к Кузнецкому металлургическому гиганту. М.-Л.: ОГИЗ; Московский рабочий, 1931. С. 4.

² Шкаратан О.И., Ваксер А.З. Развитие социалистического отношения к труду у рабочих Ленинграда в 1917-1924 г. / О. И. Шкаратан, // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 158. Л., 1958. С. 116.

³ История КПСС. Ук. соч. С. 407.

⁴ Большая советская энциклопедия. Т. 33. Стб. 667.

⁵ Там же. С. 422.

⁶ Мокиенко, В. М. Ук. соч. С. 571.

⁷ Словарь иностранных слов. Под ред. И.В. Лёхина, Ф.Н. Петрова. М., 1954. С. 340.

ду прошлым и настоящим становится неким абсолютным символическим экстремумом. Так было во времена Просвещения, когда был сконструирован миф о «мрачном средневековье»; так было после Французской революции, так было и после русской революции 1917 года. Отказ от «сталинского наследства» после XX съезда также потребовал работы по конструированию символической пропасти между *вчера* и *сегодня*. Это было сделано путем сближения настоящего с будущим, и коммунизм замаячил совсем близко: «Мы будем жить при коммунизме, // не только строить коммунизм»; ср.: «И вот совсем, совсем уж рядом стали // твои шаги, твой голос, коммунизм!» (1961)¹. Однако идеологическим мэйнстримом все-таки осталось «консервативное» осмысление момента наступления коммунизма. Если публицистика нагнетает его скорый приход, то в идеологически взвешенных текстах специалистов по научному коммунизму он откладывается в неопределенное будущее: «Коммунизм — вековая мечта человечества», «Коммунизм — великая цель партии и народа» (Материалы XXII съезда КПСС). На вопрос о времени, остающемся до создания общества всеобщего благополучия, самым конкретным ответом была фраза: коммунизм — это «конечная цель социалистического строительства»². К брежневской эпохе она обернулась еще более «круглой» и ритуально застывшей формулой: «Наша цель — коммунизм».

Языковая компенсация теоретической модели коммунизма

Теоретические сложности манифестации *нового мира* в трудах классиков преодолевались не столько даже усилиями специалистов по марксизму-ленинизму, сколько самими *строителями* коммунизма. Массовое сознание нескольких поколений советских граждан синтезировало антиномии исторического материализма, сгладило концептуальные противоречия и встроило коммунистическую идею в «советскую народную» картину мира. Есть основания говорить о том, что, по аналогии с народным православием, имевшим отличия от «ученого» христианства, научному коммунизму сопутствовал некий «народный коммунизм», преломивший идеи отцов-основателей в зеркале традиционной ментальности. Не случайно еще Н. Бердяев отмечал, что «марксизм, не разрушая извечные основы этого менталитета, накладывался на созвучные себе черты русского коммунизма — общинное сознание, стремление к максимальной социальной справедливости и вселенской соборности»¹.

Надежным индикатором процесса массового освоения базовых идей марксизма является словарь эпохи, и прежде всего та группа лексических новообразований, которая классифицируется лингвистами как *стилистические советизмы*. Так называются «стереотипные номинации, которые передают идеологические мифологемы... и используются с определенным стилистическим заданием»⁴. Советизмы искусственно создавались главным образом пропагандой и внедрялись в массовое сознание через публицистику. Были попытки трансляции советских ментальных схем и через фольклорные формы; так, специально придумывались пословицы и поговорки типа «производительность и зарплата — два родных брата»⁵. Общий идеологический пафос советизмов должен был восприниматься как норма языка, а героика и монументализм — как норма жизни. Это было предприятие тоталитарного характера.

¹ Мокиенко В.М. Ук. соч. С. 267.

² Краткий философский словарь. С. 547.

³ Бердяев Н.А. Воля к жизни и воля к культуре // На переломе. Философские дискуссии 1920-х годов. М., 1990.

⁴ Мокиенко В.М. Ук. соч. С. 12.

⁵ Там же. С. 206.

лизующе-принудительное, но в конечном итоге успешное: употребительность советизмов и их интегрированность в языковое мышление советского человека бесспорна. Лингвисты отмечают, что и через пятнадцать лет после перестройки передвижение советской лексики из активного словарного состава в пассивный еще далеко не завершено, несмотря на то, что потенциально вся она относится к разделу устаревшей¹.

Изменения языка корреспондировали изменениям картины мира. Эту взаимозависимость, более того, возможности языка в качестве мощного инструмента преформирования сознания (и реальности) отлично понимали как Маркс и Энгельс, так и Ленин и позднее Сталин. Далеко не случайно, что в числе первых декретов Советской власти оказался декрет, реформирующий русский алфавит и фактически ломающий картину мира у русских людей. Латентное сопротивление «старых» ментальных структур у «новых» людей могло, конечно, инверсировать смысл слова, идиомы и т.п.; в практике «катакомбного» мышления официальные штампы советского новояза карнально переигрывались и начинали вести двойную жизнь. Но сам факт их бытования в жизни всех слоев советского общества не подлежит сомнению, ведь от того, что переиначивается в сниженной форме, люди зависят не меньше, чем от объекта безусловной веры.

За семь десятилетий существования советского строя возникла и довольно успешно транслировалась традиция, которую можно определить как «коммунистический дискурс». Интересно отметить, что даже лексикографическая работа с советским языковым материалом дает специалистам возможность ощутить его суггестивную силу: этот «материал» явно сопротивляется пассивной роли объекта исследования. Не случайно исследователи «языка Совдепии» В.М. Мокиенко и Т. Г. Никитина так формулировали задачу своего словаря: «...дать читателю возможность на какое-то время снова почувствовать себя "колесиком и винтиком одного-единого социал-демократического механизма"»².

Тот относительно конкретный смысл, который понятие *коммунизм* имело в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса (коммунизм как учение), массовое мышление переадресовало семантическому полю марксизма-ленинизма. В речевой практике основным значением слова *коммунизм* стало некогда вторичное, а именно «общественный строй... как идеал или конечная цель коммунистического движения»³. Данное значение подверглось семантическим метаморфозам, которые должны рассматриваться как следствие идущей от классиков нечеткости в вопросе о времени (и месте) свершения будущего. Коммунизм стал одной из доминант языковой картины мира, принудительно разделяемой советскими гражданами, и приобрел синоним — *Коммуна/коммуния*. В целом можно говорить о том, что «советские» параметры коммунизма являются результатом интегрирования данной экономическо-философской категории в русскую, во многом традиционную мифопоэтическую картину мира. Большинству советских людей идеи К. Маркса и Ф. Энгельса были известны в опосредованном виде, ибо канал их транслирования «в массы» предполагал как минимум три уровня медиации:

1) труды В.И. Ленина («величайшего теоретика» и «творца ленинизма-марксизма»⁴, а также «великого корифея науки»⁵ — в соответствии со сталинской иерархией титулования «великих учителей»);

¹ Там же. С. 8.

² Там же. С. 21.

³ Там же. С. 266.

⁴ Краткий философский словарь. С. 226.

⁵ Мокиенко В.М. Ук. соч. С. 282.

2) труды И.В. Сталина («гениального теоретика и продолжателя учения и дела Маркса, Энгельса и Ленина»¹, а также «великого зодчего»²);

3) обширная массовая пропаганда (центральный, локальный агитпроп).

На каждом уровне исходная коммунистическая концепция подвергалась все большему упрощению в философском отношении и все большему мифологизированию. В наши задачи не входит поуровневый анализ этих aberrаций, нас интересует их конечный результат, а именно — общедоступный «народный» вариант коммунизма. Он также не был свободен от противоречивых утверждений, но это уже была амбивалентность иного рода, нежели диалектические парадоксы базовой теории. Советский «коммунистический дискурс» разработал стратегию описания коммунизма, компенсирующую нечеткость теоретизации понятия и предполагавшую использование нескольких нарративных кодов: «абстрагирующего», «хронологического», «пространственного», «хронотопического».

1. «Абстрагирующий» код

В этой стратегии описания коммунизма используется следующая лексика: *счастье*³; *расцвет*; *триумф*; *торжество (ленинизма/социализма/коммунизма/великих идей/идеалов)*; *завоевания (великие/исторические/светлые/величайшие)*⁴; *победа (великая/триумфальная/полная и окончательная)*; *чаяния народа*; *штурм (капитализма)*; *процесс (мировойреволюционный процесс)*; *свершения (трудовые/героические/великие)*; *великое/бессмертное/правое/советское дело партии/коммунизма*; *всермерное развертывание/развитие/укреплены*; *неуклонный рост/подъем/размах*; *недостижимость для капитализма/незыблемость/неодолимость/непобедимость дела социализма*; *всесильность (всепобеждающее знамя марксизма-ленинизма/всепобеждающая сила/учение)*; *вечность (бессмертное дело Ленина; бессмертный труд)*; *уникальность (беспрецедентный подвиг; всемирно-историческая победа)*. Коммунизм безусловен, отсюда выражения *историческая неизбежность коммунизма; безграничная вера в дело коммунизма; беззаветная борьба; единоклубная поддержка*.

Коммунизм может также описываться как нечто неизъяснимое, но безусловно прекрасное, совершенное, неопишимо красивое, разумное. Эта нарративная модель напоминает традиционную библейскую метафорику («И увидел Бог, что это хорошо...»; см. также описания Нового Иерусалима). Архетипические образы коммунизма при этом создаются с использованием лексики, обозначающей свет, обязательный для теофании: *факел социализма, солнце коммунизма/солнце новой жизни; огни коммунизма/огни народного счастья; маяк коммунизма/советский маяк; озарить; очаг; свет; луч; светлое будущее; заря нового/лучшего общества* (ср.: *закат буржуазного строя*); *светлый/немеркнущий/высокий идеал коммунизма*.

2. «Хронологический» код

В коммунистическом дискурсе общий вектор движения к *светлому будущему* определен популярнейшим словом *вперед*. Так называлась первая большевистская еже-

¹ Краткий философский словарь. С. 493.

² Мокиенко В.М. Ук. соч. С. 221.

³ Здесь и далее лексика коммунистического дискурса цитируется почти исключительно по материалам «Толкового словаря языка Совдепии» без дополнительных ссылок на страницы этого издания, цитаты выделяются курсивом.

недельная газета, издававшаяся в Женеве в 1904 — 1905 г., и позже это слово не раз встречалось в названиях газет и журналов, а также было частотным в названиях колхозов, учреждений. Не менее часто употреблялось идиоматическое сочетание «*время, вперед!*» — цитата из «Бани» В. Маяковского. Распространению оборота способствовал роман В.П. Катаева «Время, вперед!» (1932), посвященный строительству металлургического завода. Фраза стала приподнято-торжественным обозначением призыва работать интенсивнее, с энтузиазмом, перевыполняя планы. Выражение «*догнать и перегнать*» из статьи Ленина 1917 г. было лозунгом, конкретизирующим ближайшие хронологические перспективы Советского государства, не случайно эта фраза являлась одной из важнейших в советском дискурсе с начала индустриализации.

Социализм — это *прекрасное настоящее*. Коммунизм же — *светлое завтра/будущее, завтрашний день (большой и светлый), грядущее*.

3. «Пространственный» код

Грядущее в советском дискурсе осмыслялось еще и как *место*. Мифологическая традиция демонстрирует достаточно примеров подобного сближения пространственно-временных координат; в христианстве грядущее Царствие Божие есть «место вечного блаженства, обещанное праведникам в будущей жизни». В этом конденсированном определении С.С. Аверинцева *каждое* слово имеет свой коррелят в «коммунистическом дискурсе», но мы акцентируем только первое — *место*. Пространственная локализация коммунизма манифестирует его как *цель (великую/заветную)*, *перспективу (генеральную/светлую/коммунистическую/широчайшую)*; *рубеле (новые рубель коммунистического созидания)* *форпост* *фронт (созидания, социалистического строительства/наступления)*.

Как цель, коммунизм должен оставаться недостижимым, ибо только так он может быть фактором исторического движения. Жизнь, история нуждаются в будущем, отсюда архетипические «небесные» образы: *звезда коммунизма/будущего*, *сияющие горы-зонты/высоты/вершины коммунизма*. Действительно, горизонт как видимая линия кажущегося соприкосновения неба и земли естественным образом удаляется при движении к нему. О будущем говорится как о *солнечных даях коммунизма*: «*Необорим советский строй, //несущий новую нам радость, //что дали коммунизма—рядом, //уже от нас не за горой*»). Иногда, в полном соответствии с мифологическим каноном, предполагается некая водная преграда между реальным миром и обетованными «островами блаженства»: «*Только большевики под красными парусами // к Коммуне правят рабочий мир*») (В. Маяковский); «и корабль наш неудержимо идет вперед — к *сияющим горизонтам коммунизма*») (Л. Брежнев). Движение к коммунизму — это движение «*все выше, выше и выше...*»).

Универсальный символ коммунизма — *здание (светлое/величайшее)*. Этот архетипический образ с древности используется как средство визуализации абстрактных идей. Советские люди устойчиво перифрастически именовались *строителями*, вожди — *зодчими*, а общество — *строем*.

4. «Хропотопический» код

Коммунистический дискурс насыщен мифологическими обертонами, поэтому полная аналитическая чистота в смысловой демаркации лексем-метафор по выделенным

нами основаниям (абстрагирующий, хронологический, пространственный коды) невозможна. Ряд слов образует еще одну нарративную стратегию: «Сбылись твои заветные слова: //уже на горизонте день Коммуны». Коммунизм рассматривается в процессуальном модусе, объединяющем пространственные характеристики с временными. Наиболее важной метафорой при этом является *путь {ленинский/победный/путь борьбы и побед/трудный и славный/'верный/'светлый}*, измеримый *поступью (уверенно/героическо/твердо/железно/октябрьской/могуче/поступью развитого социализма)* и *гигантскими/революционными шагами*. Путь задает вектор *поступательного движения к коммунизму*, в направлении которого нужно следовать *неотступно и непреклонно: следовать ленинским курсом к коммунизму, победным маршем — к социализму*.

Мифологема пути репрезентирована также и несколько менее торжественным словом *дорога*: *столбовая дорога к социализму, широкая/магистральная дорога коммунизма/коммунистического строительства; верная дорога*. «Страна выйдет на широкую и светлую дорогу, ведущую в царство коммунизма»¹. По этой дороге движется *локомотив/паровоз истории*: «Наш паровоз, вперед лети! // В Коммуне остановка...» (образ локомотива заимствован из статьи К. Маркса «Последствия 13 июня 1849 г.»).

* * *

Выделенные нами нарративные коды широко использовались в коммунистическом дискурсе с целью пропаганды идеологических установок. В совокупности они позволяли наглядно представить коммунизм, сложнейшую с философской точки зрения категорию, для усвоения *массами*, которым делегировалась функция построения нового общества. Визуализация предполагала широкое использование символических ресурсов русского языка: его метафоры, его концептов, глубоко связанных с традиционной картиной мира, с фоновым знанием русских людей. Коммунизм как синкретическое единство пространства-времени описывался лексикой, отягощенной символическими коннотациями. В результате он предстал как умозрительный (усматриваемый внутренним зрением) феномен со специфической сакральной топографией. «Природа» коммунизма описывалась лексическими репрезентантами вертикали (образ мировой горы, *axis mundi*), тотальности, огромного размера, вечности, безусловности — и недостижимости.

I.P. Reshchikova

Communism: between time and space

The article discusses the problem of chronological location of Communism as a society of future in the soviet world model. It is substantiated that the idea of polysemantic theorization (working out the meaning or creation the communism concept) in the works of K. Marks & F. Engels was compensated by semantic-symbolic resources of the background knowledge in the russian culture represented in linguistic concepts. The basic narrative codes of «communist discourse» are pointed out.

¹ Шкаратан О.И. Ук. соч. С. 132.